

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ
(НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ, ЛАТЫШСКИХ И ЛИТОВСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «ЧЁРТ»)**

*Phraseological Baltic-Slavic Parallels
(on the Example of Russian, Latvian and Lithuanian Phraseological Units
with the Component “Devil”)*

Keywords: phraseological units, Russian, Latvian, Lithuanian, devil, equivalents

Contact: СПбГУ; alin.alin.alin2000@yandex.ru

Актуальность настоящей темы объясняется тем, что фразеология в современной лингвистической науке является одной из наименее изученных областей в рамках компаративистских исследований балто-славянской языковой общности. Сравнительно-сопоставительный анализ отдельных фразеологических групп, несомненно, может способствовать более глубокому пониманию образа мышления и мировоззрения древних славяни балтов, а также выявлению общих и различных черт в их представлении об окружающем мире. Латышский и литовский языковой материал зачастую помогает глубже понять и объяснить модели возникновения многих славянских устойчивых единиц с их символикой и уже стёртой метафорической мотивировкой образности, поскольку именно балтийские языки до сих пор сохраняют древнейшие индоевропейские черты как на фонетическом, так и на лексическом уровнях.

Вместе с тем, до настоящего времени ведутся дискуссии о существовании единого для славян и балтов языкового предка, а также о сближении или конвергентном развитии балтийских и славянских языков.

Для нашего исследования был выбран образ чёрта, так как он является одним из самых глубоких, ассоциативно многозначных и противоречивых персонажей не только в славянской, но и вообще в индоевропейской мифологии. Данный персонаж сложен и одновременно интересен для исследования также по той причине, что содержит в себе и совмещает характеристики церковно-книжного персонажа

и древние, в том числе и языческие, представления народных верований, в том числе и языческих, что широко отразилось в лексике и фразеологии (Хмелевский, Турлаева 2022: 125).

За основу раскрытия глубины образа славянского чёрта мы возьмём результаты полевых исследований, проведённых в Полесье (регион современной Волыни, Западной Украины и Белоруссии, а также Смоленской области современной России), так как оно является исторической прародиной славян (Кузнецова 2017: 28).

Итак, в сознании как славян, так и балтов чёрт и бог – взаимосвязанные силы, сотворившие мир и находящиеся в постоянном противоборстве (ср. русск. *Богу молись, да черта не гневи!*). Образ чёрта символизирует собой «тёмную» бесконтрольную и разрушительную энергию, в которой не хватает благоразумия, поэтому такая сила вынуждена подчиняться богу как более мудрому началу, способному обуздать эту противостоящую «свету» сторону «тьмы» (ср. *Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо* – эпитафия к роману «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова, взятый из текста И.В. Гёте «Фауст», относящийся к прообразу чёрта – Мефистофеля).

Обращаясь к характеристике внешнего облика чёрта, стоит отметить, что, с одной стороны, это общеевропейское представление, отраженное в иконописном варианте дьявола как антропоморфной фигуры с рогами и копытами, с другой – характерный для западнославянской мифологии образ «чужака-горожанина», франта, иностранца, одетого непривычно изящно (вспомним описание Воланда, прообраза чёрта, дьявола, сатаны в романе «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова: «Он был в дорогом сером костюме, в заграничных, в цвет костюма, туфлях. Серый берет он лихо заломил на ухо, под мышкой нёс трость с чёрным набалдашником в виде головы пуделя. (...) Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз чёрный, левый почему-то зелёный. Брови чёрные, но одна выше другой. Словом – иностранец») (Булгаков 2014: 6). При этом сохраняются архаические демонологические признаки и черты, как, например, птичьи или звериные ноги, характерной формы борода (ср. русск. *козлиная борода / бородка*).

Чёрт в мифологических и культурологических представлениях человека мог принимать образ других животных, а именно зайца, козла, барана или свиньи. Остановимся подробнее на образе зайца и козла. В латышском языке мы встречаем фразеологизм *velna ģīmis* – букв. «чёртово лицо», используемый по отношению к козлу. В этой связи прослеживается представление об образе чёрта, уходящее корнями ещё в античную и дохристианскую культуру (Кузнецова 2017:

11). Древнегреческий бог Дионис (Вакх, или Бахус) был покровителем виноделия, всякого рода развлечений, театральных представлений, увеселительных мероприятий. Как известно, в античном театре перед трагедиями на сцену выходили актёры в костюмах козлов (греч. *tragos* – «козёл») и развлекали публику различными мелкими шалостями и баловством, отсюда современное название такого драматического жанра, как «трагедия» (ср. греч. *Tragoudia* – «песня», букв. «пение козлов» (т.е. чертей), или русск. *блелние козлов* в том же значении).

Кроме того, помимо козла, в мифологии чёрт также мог превращаться в зайца. Например, у литовцев существует поверье, что если заяц перебежит дорогу, то человека ожидают несчастья, неудача, беда (причём, наряду с зайцем – чёрный кот или волк). В русском языке есть аналогичная примета, в которой высказываются опасения о чёрном коте. Чёрного кота издревле в западноевропейской культуре считали приспешником злых духов, что также отражено в художественной литературе, например, в уже упоминавшемся романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», где чёрный Кот-Бегемот служит постоянным спутником и правой рукой дьявола, неотъемлемым атрибутом его свиты.

В древних балто-славянских поверьях встретить зайца также считалось плохой приметой. Причём принадлежность этого животного в некоторых регионах приписывали к образу лешего, т.е. лесного демона, чёрта. Считалось, что леший мог запутывать путников или охотников, идущих по лесным тропам, превращаясь в зайца или посылая на дорогу подчиняющихся ему животных (Савченко, Хмелевский 2022: 245).

Тесная связь образа кота и зайца может объясняться и тем, что, если они пересекают дорогу или тропу идущему человеку, это считалось нежелательным и даже предвестием чего-то плохого. Два этих представления стали основой распространённых примет и поверий, согласно которым перебежавший путь заяц – это не к добру. Во многих областях восточнославянского и балтийского ареала встретить зайца или любое другое животное люди, согласно древним поверьям, особенно боялись перед каким-либо важным событием (сватовство, охота и т.п.). Перебежавший дорогу заяц в народных представлениях может сулить даже смерть (ср. русский эвфемизм названия зайца – *косой*, т.е. «лукавый, хитрый, обманщик», *ездить зайцем* – т.е. «не платить за проезд, притворяясь законопослушным пассажиром»).

В балто-славянском символе чёрта также прослеживается смешение с христианским образом дьявола, сатаны. С одной стороны, он соперничает с «светлыми силами», т.е. богом, он охотится за душами людей, искушает соблазнами и подвиги-

гает людей на дурные поступки, провоцирует к самоубийству или умопомешательству (вспомним образ Ивана из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» в состоянии опьянения) вступает в связь с колдунами, а с другой – навещает с любовными целями тоскующих вдов, вселяется в тело человека, заводит на бездорожье, заманивает в воду, пугает, вредит домашнему скоту (лат. *kā velna apsēsts* – «как чёртом одержимый», ср. русск. *словно чёрт под локоть толкает*, лит. *velniais išėiti* – «водиться с чертями» в значении «шалить, баловаться») (Хмелевский, Турлаева 2022: 19).

И для славянского, и для балтийского фольклора свойственно также юмористическое, насмешливое представление о чёрте как о дураке, неуклюжем мифическом персонаже или неудачнике. Он беспокоит, вводит в заблуждение и дурачит людей, но в конечном итоге они всегда оказываются находчивее и умнее его (Савченко, Хмелевский 2022: 245).

Далее рассмотрим фразеологические единицы в русском, латышском и литовском языках, в которых встречается сравнительно небольшое количество абсолютных эквивалентов. В их число входят наиболее распространенные устойчивые сочетания, употребляемые и узнаваемые в современной речи русских, латышей и литовцев:

1. русск. *какого чёрта* – лат. *kāda velna* – лит. *kurių velnių*;
2. русск. *идти к чёрту* – лат. *iet pie velna* – лит. *eiti pas velnią*;
3. русск. *какой (кой) чёрт?* – лат. *kādsvelns?* – лит. *kurisvelnias?*;
4. русск. *как чёрт вселился / как чёртом одержимый* – лат. *kā velna apsēsts* (букв. «быть как чёртом вселившийся, окруженный») – лит. *velnias apsėdo* (букв. «чёрт вселился, окружил», ср. русск. *чёрт понутил*);
5. русск. *ни чёрта* (в значении «ничего») – лат. *ne velna* – лит. *nė velnio*;
6. русск. *междометие чёрт возьми!* – лат. *velns lai parauj!* (букв. «чтоб чёрт взял») – лит. *velnias griebtu!* (букв. «чтоб чёрт взял»);
7. русск. *чёрт знает* (в значении «никто не знает») – лат. *velns zina* – лит. *velnia išino* (букв. «черти знают»);
8. русск. *продать душу чёрту / дьяволу* – лат. *pārdot (savu) dvēseli velnam* – лит. *parduoti savo dvasę velniui* (букв. «продать свою душу чёрту»);
9. русск. *чёртова дюжина* – лат. *velna duci s* – лит. *velnio tuzinas*.

Вместе с тем встречаются также и частичные эквиваленты. Латышская фразеологическая единица лат. *kā velns no krusta* и литовская (*bijoti*) *kaip velnias kryžiaus* – букв. «бояться как чёрт креста» (ср. русск. *как чёрт ладана*) не имеют компонен-

тных вариантов, тогда как в русском также, но реже с точки зрения узувального употребления встречается полный эквивалент *бояться как чёрт креста*, хотя по частотности своего употребления данный фразеологизм уступает распространённой, в том числе и в обиходной речи, устойчивой единице с компонентом *ладан*, видимо, по причине того, что ладан является атрибутом исключительно православной культуры, тогда как литовцы исповедуют католицизм, а латыши преимущественно лютеране.

С образом чёрта у балтов также связаны антонимические представления одновременно о большом и ничтожно малом количестве либо о полном отсутствии чего-л., как и в русском языке: *ни чёрта* – т.е. «ничего» и *до чёрта* – в значении «очень много». Приведём примеры из литовского языка: 1) «малое количество, отсутствие чего-л.»: *velnio ašara / kiaušinis* – букв. «слеза / яйцо чёрта», *velnio akį (gauti)* – букв. «глаз чёрта получить» в значении «ничего не получить», *sūdytąvelnio* – букв. «солёного / копчёного чёрта», т.е. «ничего» (ср. русск. *чёрта лысого!*, *чёрта с два*, *ни чёрта* и т.д. в аналогичном смысле); 2) «большое количество»: *gyvasvelnias* – букв. «живой чёрт», т.е. «очень много чего-л.», *pervelniaq* – букв. «больше черта» (ср. русск. *до черта*, т.е. «много»). У относительных эквивалентов мы наблюдаем частичную замену образности (второй компонент) и тождественность семантики, при этом образы остаются логически сопоставимыми (Хмелевский, Турлаева 2022: 127).

Для обозначения внезапного, неожиданного стремительного действия используются фразеологизмы во всех трёх языках: русск. как *чёрт из коробки* (табакерки, рукомойника) лат. *kā velns ar vėjlukturi* (букв. «как чёрт с фонарем»), лит. *velnias iš puoų* (букв. «чёрт из бобов»). Для описания хитрого и коварного человека в русском и латышском языках существуют фразеологические аналоги, имеющие общую стилистическую тональность, но разную структуру и образность: русск. *хоть чёрта / сто чертей / проведёт*, лит. *velnių kaustytas* – букв. «чертями подкованный» (Paulauskas 2003).

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы: в мышлении славян и балтов относительно образа чёрта и фольклорно-мифологических представлений о нём много схожего, однако в нашей главе мы отметили и различия в русском, латышском и литовском языках, которые именно балтийский материал помогает понять славянскую мотивировку тех или иных фразеологических единиц, утративших в сознании современного носителя русского языка свою внутреннюю ассоциативную либо метафорическую мотивировку.

Summary

Thus, we can draw the following conclusions. There are many similarities in Slavic and Baltic thinking concerning the image of the devil. In Russian, Latvian and Lithuanian there are a large number of phraseological equivalents of different types. Baltic phraseological expressions help to better interpret the motivation of Russian ones

Литература

Булгаков, М.А. *Мастер и Маргарита*. Санкт-Петербург: Лениздат, 2014.

Виноградова, Л.Н., Левкиевская, Е.Е. *Народная демонология полесья*. Москва: Издательство «Языки славянских культур», 2020.

Коршунков, В.А. Свадьбы леших и лешачьи тропы: мифологические особенности народной «культуры пути». In: Поспелова, Н.И. (гл. ред.) *Сквозь границы: культурологический альманах*. Киров: Издательство ВятГГУ, 2006, с. 290–295.

Кузнецова, И.В. *Персонажи Библии в славянских устойчивых сравнениях*. Чебоксары: ЧГПУ, 2017.

Лимеров, П.Ф. *Мифология загробного мира*. Сыктывкар, 1998.

Савченко, А.В., Хмелевский, М.С. «В огороде бузина, а в Киеве дядька» языковая игра или поговорка? In: Ничипорчик, Е.В. (отв. ред.) *Славянская фразеология и паремология: Культурное наследие и современность*. Гомель: ГГУ, 2022, с. 242–246.

Хмелевский, М.С., Турлаева, А.С. Образ чёрта в литовской, латышской и русской фразеологии. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева*. 2022, с. 122–128.

Шведова, Н.В. *Словарь фразеологизмов с компонентом «чёрт»*. Курган: Издательство КГУ, 2009.

Drīzule, R. Dievaun Velnamitoloģiskie personificējumi latviešu folklorā. In: Darbiniece, J., Upiša, A. et al. *Pasaules skatījuma poētiskā atveide folklorā*. Rīga: Zinātne, 1988.

Laua, A., Veinberga, S., Ezeriņa, A. *Latviešu frazeoloģija vārdnīca*. Rīga: Avots, 2000.

Paulauskas, J. *Lietuvių kalbos frazeologijos žodynas*. Kaunas: Šviesa, 2003.

The article is accessible in open access mode under licence CC BY-NC-ND Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0